

ЗАНГЕЗУР

Авторский сценарий
АКСЕЛ БАКУНЦ

XVIII

Река. Лунная ночь. По реке плывут пни и сучья, сносенные ливнем, прошедшим над лесом.

Повстанцы собрались на берегу реки. Река - граница. По ту сторону ее - Азербайджан.

- Кто не хочет переправляться, - отделись! - раздался голос Макича.

Бади колеблется. Он спрашивает:

- А кто за рекой?

- Наши.

- Кто?

- Красная армия.

- А турки?

- И турки ... Не хочешь переправиться?

- Я?

"Медведь" бросается и вырывает у него ружье; Макич отбирает его партбилет.

- Катись! ... Но смотри, если пикнешь хоть слово об этом, - тебе недобровать!

Макич вплавь уже добрался до следующего берега и прикрепляет веревку. Несколько коммунаров копошатся в воде. "Медведь" прилаживает пулемет на бревно. Макич с противоположного берега тянет веревку, за конец которой ухватились 4-5 повстанцев. Они добираются до следующего берега частью вплавь, частью за веревку.

Смбат вступил в ущелье во главе группы всадников.

Там все еще горит костер, последний костер повстанцев в ущелье. Смбат догадывается, что костер был разведен ими, и пришпоривает коня.

Один единешенек бредет Бади. Временами доносится всплеск волны, дробь копыт, скачущих коней.

Большинство коммунаров уже на том берегу.

"Медведь" конец веревки прикрепляет к берегу. Тянут веревку. Он плывет и подталкивает рукой бревно.

Вдруг перед Бади вырастают всадники.

- Ты кто?

Бади немеет от ужаса.

Кто-то шепчет на ухо Смбату. Бади с трудом лепечет:

- Я ... крестьянин.

Смбат показывает на край дороги. Бади кажется, что ему предлагают

посторониться, чтоб не мешать конным. Бади не успел сделать двух шагов, как его сражает пуля Смбага.

В ущелье раздается грозное эхо выстрела. Мерный топот копыт.

Последние коммунары переправляются вплавь.

Конные Смбага устремляются к реке, но внезапно заработал пулемет "Медведя". Конные отступают.

Последние коммунары добрались до другого берега.

XIX

Моросит мелкий дождь. Туман.

Временами туман обволакивает окружающее и виднеется только вершина горы или же в тумане выступает лишь одна скала; временами ветер разрывает туман и виднеется переносной телеграфный столб и полевая сова, усевшаяся на его верхушке. Виднеется шоссе, разрушенный мост.

Слышны свист хлыста и гомон толпы. Сквозь туман по грязному косягу ташут вверх пушку. Пухан и его товарищи, собравшиеся на площади села.

Пушку тянут по крутому склону. Пухан говорит:

- Так бы и сбросил ее в ущелье!

Один из солдат смотрит на нивы:

- Кто убирет наше поле?

- Счастливец, у тебя и поле есть.

Тянут пушку.

Туман рассеялся; те же позиции, те же поля. На дашнакских позициях развели костры.

Нива подозрительно колыхается. Поднимается чья-то голова. То - "Медведь". Он ползет по гуще хлебов.

"Медведю" дано задание: в тылу противника распространить воззвание от армии к зангезурскому населению.

"Медведь" направляется к позициям. Воинская двуколка, рядом лошадь. "Медведь" бросает кипу листовок возле двуколки, - листовки уносятся ветром; тогда он возвращается и кладет камень на пачки.

В ущелье Зильфи, окруженный ягнятами.

Кто-то швыряет гальку в воду. Зильфи настораживается. То - "Медведь". Он передает ему кипу листовок.

- Это что?

- Письма из Баку ... Отнесешь и раздашь по домам.

- Сейчас?

- Нет, когда стемнеет ... Сделай так, чтоб не узнали ...

Зильфи смекает - что за бумаги.

Сидят дома у Ата-апера – он и тюрок Орудж. Тюрок тоже крестьянин, давнишний приятель Ата-апера. Голод заставил его тайком перебраться через границу и просить помощи у своего приятеля.

Ата-апер сыплет из мешка пшеницу.

- Не дали пахать ... Плуг мой остался в горах.

Они беседуют. Ата-апер вновь спрашивает: как живется тюрмак в Азербайджане. Орудж рассказывает, что там не лучше: та же нужда, те же насилия.

- Скоро наступит конец этому, друг мой, - говорит Ата-апер. - Вот идет Красная армия, - и повторяет слова кузнеца о том, что где не ступит Красная армия – там мир между народами.

Такая же убогая изба. Вокруг лампы расселись 3-4 крестьянина. Из "ердика", шелестя, падают листовки. Один из крестьян читает по складам.

- Красная армия несет вам свободу, счастливую и мирную жизнь.

Они переглядываются. Женщина, глядя на виднеющуюся из ердика яркую звезду, говорит со вздохом:

- Слава тебе, господи! ...

Сидя у очага, продолжают беседовать Орудж и Ата-апер. Тюрок спрашивает:

- Ленин не миллет дир?*

- "Урус дир"***

- Ежели русский – он нас избавит ... цицалла, - и Орудж рыдает от радости.

Раздается зловеющий стук в дверь.

Ата-апер вскакивает. Орудж в испуге.

- Не бойся, ты в моем доме, - успокаивает его Ата-апер.

Ата-апер скрывает Оруджа и открывает дверь. Врываються в избу 3-4 маузериста.

Смбат поднимает голову. Перед ним стоит Ата-апер.

- Что делал у тебя в доме тюрок?

- Да ведь мы давнишние друзья ... Между моим и его домом разницы нет ...

- Разве армянин может дружить с тюрком?

- Есть армяне похуже тюрок.

- Что?

- Ну, вот, послушай, расскажу я тебе: был у меня сын. Забрали его и в

*Ердик – отверстие в крыше избы, заменяющее окно.

** Из какого племени Ленин?

*** Русский

городе один лютый зверь понапрасну убил его ...
Смбат догадывается, кто Ата-апер, но все еще притворяется незнающим.

- Дальше?

- Дальше, доложу я тебе, что такого зверя человеком назвать зазорно. Издали доносятся звуки тревоги.

Смбат сдерживает себя с трудом.

- Ты видел тех беглецов?

Ата-апер отвечает после минутного молчания:

- Видел и говорил с ними.

- О чем же ты говорил с ними?

- Говорил я им; пойдите, приведите войско и избавьте народ от плена.

- Ты это говорил?

- Да, говорил.

Колокольный звон усиливается. Зильфи звонит в церковные колокола.

Смбат инстинктивно хватается за маузер.

Врывается в избу устрешенный маузерист.

- Господин комендант, народ...

Смбат выбегает на балкон.

Стекается народ, вооруженный чем попало. Толчея, крики.

- Сына убил, а теперь за отца взялся?... — кричат из толпы.

Вмешивается Палтонавор, поп и варжапет и начинают одних увещевать, других — укорять. Поп поднимается по лестнице.

Молчание. Среди молчания Ата-апер спрашивает:

- Народ, это он убил моего сына?

- Он убил! — кричат снизу.

Поп и Палтонавор обступают Ата-апера. Он силится вырваться, но не дают. Старика заставляют спуститься вниз.

Ата-апер все еще разъяренный, подходит к какой-то двери, разбивает ее и выпускает арестованного Оруджа.

- Разве этот бедный враг наш? — кричит Ата-апер.

Издали доносятся раскаты пушки.

XXII

На площади народ все еще продолжает волноваться.

Внезапно прибегает молодая женщина под покрывалом. Все устремляют взоры на нее. Женщина силится что-то сказать, но, как новобрачная, в присутствии взрослых она скована "обетом молчания". Жестами рук она пытается что-то сообщить, - ее не понимают.

Ата-апер, выведенный из терпения, срывает покрывало с лица женщины:

- Ну, говори, не стесняйся!
- Красные войска пришли, - произносит она.
- Эй, народ! - гремит голос Ата-апера.

Пушки на склоне горы.

Солдаты хотят зажечь фитиль. Подбегает Пухан с 3-мя товарищами.

- В кого стеляете?

- В тюрк ...

- Наши идут!

И Пухан со своими товарищами стремглав несется вниз. К нему присоединяются два солдата-артиллериста.

Артиллерийский офицер с револьвером в руке хочет остановить бегущего солдата, но в эту минуту подбегает другой солдат с криком:

- Господин поручик, большевики!

Гремят пушки.

Дым обволакивает экран.

XXIII

Народ вышел навстречу.

- Флага нет у нас, - говорит кто-то.

Ата-апер передает ему покрывало, сорванное с лица новобрачной.

- Вот тебе флаг!

Из-за холма показываются верхом: Макич, "Медведь" и человек десять коммунаров.

Ата-апер первый подходит к Макичу.

- Куда они удрали?

Палтонавор выступает вперед.

- Они теперь перевалили гору.

В эту самую минуту на другом конце села несутся верхом Смбат и его маузеристы, но в первом же ущелье загараживает им путь Пухан и его товарищи.

- Стой!, - и Пухан стреляет из ружья. С потерей одного человека отряду Смбата удается прорвать их цепь.

Обеспокоенный звуками выстрелов, Макич мчится на коне вперед: он встречает Пухана, присоединяется к ним, и они продолжают преследовать врага.

Пехотный отряд красноармейцев вступает в село. Бойцы удивленно смотрят на странные скалы и дома, сидящие на их вершинах.

XXIV

Три красноармейца смотрят на "тарр"

Один из них, бородач Митрич, сердито ругается. Ему кажется, что в пещеру должна вести лестница, потому что он не может представить, как можно подняться на вершину скалы и складывать там сено. Он спрашивает первого встречанного крестьянина:

- Где лестница? - и показывает на пещеру.

Крестьянин, не понимая языка красноармейца, говорит "хорошо", думая, что русский хочет сказать: как хорошо так высоко хранить сено.

Подбегает Зильфи.

Митрич с тем же вопросом обращается к нему. Но Зильфи смекает, что Митрич просит спустить из "тарра" сено. Он достает веревку, бросает ее на вершину скалы, и взобравшись наверх, спускает сено вниз.

Когда спускается сам Зильфи, Митрич в восхищении обнимает его.

XXV

Тутовый сад.

Ата-апер сам трясет тутовое дерево. Группа красноармейцев ест туту. Вдруг входит их старшой и сердится на них за то, что они вошли в сад крестьянина. Красноармейцы собираются уйти, но Ата-апер останавливает их и старшего и через переводчика спрашивает, что случилось и почему они отказываются есть. Узнав, что старший упрекнул красноармейцев за то, что они самовольно зашли в сад крестьянина, Ата-апер взволнованно говорит переводчику:

- Скажи ему, что сад этот мой ... Они - мои гости. Скажи, что у хозяина этого сада был сын, которого -

И взяв полное туту блюдо, он подходит к красноармейцам и их старшему:

- Кушайте ... был у меня сын, такой же как вы ...

Красноармейцы едят ... Глядя на них Ата-апер обращается к одному из сельчан:

- А вот это - войско!

XXVI

"Медведь" одевается, тихо распевая. Он переночевал в бывшей "канцелярии". На полу лежат несколько русских красноармейцев и командир отделения.

Раскрывается дверь, и входит сельский варжапет и подобный ему тип. Стража не хочет пустить их, но им удается проскочить. Стража

"Тарра" - хранилище сена в непреступной пещере, расположенной в высоких скалах.

говорит им вслед:

- Ну и народ! Да еще образованные ...

- Можно?

"Медведь" хватается за пуговицы рубашки. Он стесняется, что его застали раздетым. И удивляется: чтобы могло их занести в такую рань.

- Можно присесть? – спрашивает Варжапет.

Они усаживаются, не дожидаясь приглашения.

- Мы явились приветствовать вступление Красной армии ... В это время приятель Варжапета достает из кармана зажигалку в виде маузера и прикуривает папирску.

"Медведь", заметив эту штуку, берет ее и "стреляет", играет с ней как ребенок. Варжапет подмигивает товарищу, мол пропала зажигалка, зря ты ее достал.

"Медведь", как бы чувствуя это, с насмешкой возвращает зажигалку подобно ребенку, которому наскучила игрушка.

Варжапет продолжает:

- Нас также интересуют спорные с Азербайджаном вопросы.

- Как с родным братом, - отвечает "Медведь".

Приятель варжапета тем временем замечает спящих в комнате красноармейцев, один из которых спросонья оглядывает его странную внешность и переворачивается на другой бок.

Приятель подмигивает на них варжапету.

- Да! Не структура взаимоотношений ... – и варжапет подчеркивает слово "структура".

- Весь мир должен стать советским! ...

- Мы не возражаем ... но, например, интересно... Как это с Федерацией? ...

"Медведь" почесывает лоб. Он не знает, что ответить, но чувствуя, что его прижали к стене, сразу вскакивает с места.

- Хачи!

Входит стража.

- Этих контров погони в хлев!

Хачи и без того не благоволил к "образованным". Он уводит их. "Медведь" говорит им вслед:

- Буду я возиться с вами! ...

Затем он застегивает рубашку, продолжает тихо мурлыкать ту же песню. Но он чем-то озабочен. Он будит начальника отряда. Тот просыпается в замешательстве.

- Слышь, Вася, - спрашивает "Медведь", - кто такой Федерация?

- Федерация - значит: союз, - и снова ложится.

- Братский союз ... республик ...

"Медведь" глядит в дверь:

- Сукин ты кот, варжапет... Ведь говорил же я – как с родным братом!...

XXVII

Язджинское плато. Позиции.

Один из красноармейцев спрашивает коммунара, показывая на ближайшие горы:

- А за этими горами что?

- Горы.

- А за теми?

- Опять горы...

- Да-а ...

И красноармеец глядит удивленно. Что за странный край этот Зангезур – и угрюм и прекрасен?

А коммунару бросается в глаза, как другой красноармеец долго возится над горным родником, желая напиться. Он подходит и показывает, как следует пить.

Постепенно открываются позиции. Где-то развели костер и, рассевшись вокруг него, беседуют. Вот Митрич говорит о том, что хотя у народов разные языки, но есть общий советский язык, язык трудящихся. Он спрашивает одного из коммунаров: как произносят на его языке – большевик, совет, - и, заметив, что те же слова, радуется:

- А по вашему, как пролетариат?

- Это не знает, - отвечает тот.

- Как? – удивляется Митрич.

А коммунар, узнав от случайно проходящего товарища, что речь идет о рабочем, огорчается:

Семь лет в Балаханах был желейщиком – и слова о рабочем не узнал.

- Вот, вот ... Рабочий и есть пролетариат, - вставляет Митрич.

В вечерней сумятице лагеря слышны перемежающиеся звуки зурны и гармошки. На гармонии играют: "Смело мы в бой пойдём"; потом наступает молчание и зурна повторяет тот же мотив, то перепирая, то попадая в такт. Гармонист-красноармеец учит песню местного коммунара; потом медленно подходит другая группа и живописно размещается на скалах. Играют и поют.

Поют песню зангезурских партизан.

- Чего напустились? – говорит Пухан.

Зурнач играет веселую плясовую.

XXVIII

Сидят: командир Бунчужный, Федосеев и Макич. Федосеев смотрит на карту. Бунчужный говорит:

- Ежели 84 бригада подоспеет ... у них орудий – но ...
 - Да ... позиции не выгодные. Они могут и в обход ...
 - Высота в наших руках ... Удержим, - вставляет Макич.
 - Усилить разведку, и подождать? – спрашивает командир полка, глядя на Федосеева и Макича.
 - Придется, - замечает первый.
- Но Макич не согласен. Он предлагает ночью напасть на противника. Бунчужный возражает, что дороги трудные, бойцы устали и что, главное, артиллерия отстала.
- Если до утра защитим высоту, - им конец....
 - Эту высоту они не возьмут! – с жаром заявляет Макич.

XXIX

Ночь.

Мрачный силуэт Татевского монастыря.

В комнате горит свеча. Спарпет собирает вещи. Гедеон сжигает бумаги на свечке.

- Письмо майора Ниббона ... Может для истории?

- Историю пишу кровью, - говорит спарпет.

Входит офицер и передает бумагу. Спарпет обмакивает перо и передает его Гедеону.

- Сперва подписывает председатель правительства, как ... демократическая страна ... затем ... историю пишу кровью, - и подписывает после Гедеона сам.

Раскрываются ворота Татевской тюрьмы.

Выводят коммунара.

Лунная ночь. Над обрывом в грозной позе стоит Смбаг - "комендант зангезурский".

В той же комнате находятся – Гедеон, Спарпет и полковник Курро.

- Даже природа помогает нам, - говорит спарпет. - Либо сейчас, либо никогда. Что скажет полковник?

- То же самое ...

Что-то замышляют в комнате; время от времени спарпет через открытое окно смотрит в сторону двора, откуда вот-вот арестованных коммунаров должны сбросить в ущелье. Но разговор идет о наступлении и все это делается наскоро в тревожном замешательстве. Слышатся обрывистые фразы, их заглушает шум на дворе.

Шум заставляет насторожиться. Собравшиеся потрясены. Спарпет даже подходит, чтоб притворить окно, но на дворе тишина. Смбаг уже застрелил первого коммунара и сбросил его в пропасть.

При свете фонаря выводят второго коммунара. Смбаг говорит

полковнику:

- Сейчас или никогда ... я буду в штабе.

Полковник уходит.

Смбат хочет выстрелить, но второй коммунар сам бросается в ушелье, крича:

- Товарищи! ...

Смбат знаком показывает маузеристу, что стрелять излишне. Снизу слышно шуршанье. Куда упал труп: в кусты или в воду? ...

В помещении тюрьмы Гарегин расстается с товарищами:

А может кто-нибудь да уцелеет ... Пусть расскажет он, что мы умирали как коммунары.

Гарегина вывели. Смбат знает его. Гарегин подходит медленно. Вдруг он кричит:

- Да здравствует коммунизм!

И кидается на Смбата и вместе с ним падает в пропасть. Выстрел. Замешательство.

Спаранет захлопывает окно и выбегает во двор.

- Ведите связанных! ...

Место Смбата занял офицер.

В комнате Гедеон, потрясенный от ужаса. Трясущейся рукой он поправляет очки.

XXX

Монастырский двор.

Всадники, кони, лягз оружия, суматоха.

- Копыта обмотайте вошлоком ... чтоб не было слышно никакого лягза.

Один прилаживает шашку, другой снимает с сапог шпоры, третий обматывает копыта лошади вошлоком. Один из маузеристов снимает всю одежду вплоть до нижней рубашки и одевается в обратном порядке, т.е. поверх верхней одежды натягивает белую рубашку. Другой, весь в белом, натягивает на голову белое полотно, походя на покойника в саване.

У двух маузеристов нет вошлока для обмотки копыт коней. Один подмигивает другому ... Идут оба, одетые с ног до головы в белое, как призраки, и в темноте слышан лягз открывающихся ворот.

Внутри монастыря. Две ночные свечи и свисающая с купола люстра. Гремят шаги, показываются те же два призрака ... Вот один из них поднял с пола ковер, другой обнажил шагу и разрезал ковер.

Открываются ворота на улицу.

Молча, без шума, выступают всадники.

Не слышно топота копыт. Не звенят шашки. Иногда лишь доносится фырканье коня, сердито обуздываемого седоком.

бьются скалы, слышен глухой рокот воды, шелестят травы и в неведомой дали беспокойно чирикает птичка в гнезде.

Река. Мост. "Чанг" плывет в ущелье. Мост, окутанный "чангом". Белые всадники пересекают мост. Курро проехал мост и, задержав коня, следит за переездом всадников. Три всадника вступают в реку, но сейчас же возвращаются, потому что переправа через реку опасна.

Полковник Курро знаком сообщает, чтоб ускорили ход.

"Чанг" наседает, как тяжелый дым, как движущаяся стена.

- "Чанг"! – будит один из коммунаров товарища.

- Пойдет снег, - отвечает тот, устраиваясь потеплее.

Два красноармейца глядят на "чанг".

- Вот черт! – говорит один.

- А красиво! – отвечает другой.

XXXIII

Из под копыт коня, скачущего в "чанге", скатывается камень в ущелье. Дозорный коммунар хватается за ружье.

- Кто?

Откликаются сквозь "чанг":

- Кто вы?

- Армяне.

- Врешь, знаем, какие вы армяне! – и стреляет.

Из "чанга" выскакивает белый всадник, зарубает шашкой коммунара и скачет дальше.

- Макич! – и "Медведь" показывает вдаль.

Смотрят с вершины холма. Сквозь темное покрывало тучи виднеются медленно движущиеся всадники. Кажется, будто это фантастическое видение.

- Вставай! – гремит Макич.

Просыпаются коммунары. Суматоха. "Медведь" становится на колени перед пулеметом.

Идут белые всадники. Временами "чанг" совершенно скрывает их, временами они смутно возникают.

Раздается трескотня пулемета. Всадники рассеиваются. За ними ползком карабкаются на холм пешие дашнаки.

Белые всадники снова пытаются проскочить по подножью холма. Они яростно наступают.

Пулемет "Медведя" неожиданно смолкает, - лента не просовывается.

В рядах коммунаров переполох.

Макич хватается за ручной пулемет, забил свинцовый дождь. Всадники отступают.

Пулемет "Медведя" заработал.

- Погляди-ка, наши идут,- обращается Макич к Пухану.

Последний с вершины холма смотрит вдаль. Он замечает, что цепь дашнаков незаметно продвинулась вперед. Вдали раздаются глухие залпы.

Двое белых ползут к пулемету "Медведя". Один из них зубами держит кинжал. "Медведь" стреляет из пулемета во всадников и в эту же самую минуту белый противник, державший в зубах кинжал, бросает ручную гранату.

Пулемет умолкает. Слышатся ружейные залпы.

Вот скачет полковник Курро с обнаженной шашкой.

Там, где замок пулемет "Медведя", - дымно.

Раненный коммунар ползком взбирается на вершину холма.

Пухан наказывает ему смотреть вдаль, откуда поджидается подкрепление, а сам спускается вниз.

Дым рассеивается. "Медведь" еще жив. Он, раненный, поднимает голову и окровавленной рукой снова начинает стрелять из пулемета.

Яростнее заседают белые. Коммунары отступают, отстреливаясь. Они отступают к скале.

"Медведь" делает яростный прыжок вперед, но его сражают пулей. Макич обнимает и тащит его.

- Пусты, выводы других! ...

Макич кладет его на землю, и, кажется, будто он на самом деле бросил "Медведя". Но он только поднимает валявшееся на земле ружье и снова взваливает "Медведя" на плечи.

Трое белых до того близки, что кажется вот-вот - и Макич будет убит так же, как и "Медведь". Они стреляют. Макич неожиданно бросает ручную гранату.

"Медведя" он кладет на землю.

- Пулемет, - кричит Макич. Продвигают к нему пулемет.

Напрягая остаток сил, "Медведь", услышав приказ, хочет стать перед пулеметом на колени.

Внезапно грохочет артиллерия. Еще слышно эхо выстрелов, как кричит с вершины раненный наблюдатель:

- Идут э-э-э!

Раздается "ура!"; красноармейцы перешли в атаку.

Часть их спешит к холму, где коммунары сопротивляются в отчаянии.

Снова грохочут пушки.

У пушек Ата-анер, крестьяне, помогающие при поднятии артиллерии на гору. Когда вновь загрохотали пушечные раскаты, Ата-анер, простирая руки, крикнул:

- Ну, отвечайте-же! ... У-ах!

Разрывается снаряд, разрывая мост, тот самый мост, по которому сквозь "чанг" прошли белые всадники.

Больше нет "чанга". Солнечное утро.

В беспорядке отступают конные. Часть их устремляется к реке. На берегу реки переполох. По обломкам бревен кое-как переправляются те, кто оставил коней на этом берегу.

Пушечный снаряд угодил в Татевскую скалу. Это та скала, откуда сбросили коммунаров в ущелье.

Бегут из Татева. Кони, всадники. Переполох. Набивают узлы. Гедеон, варжапет вконец сбит с толку.

- Архив! ... Архив! ... Моя лошадь? Где моя лошадь?

Подводят его лошадь. Кое-как он садится на нее. Когда он садится на лошадь, очки его падают.

- Очки мои! ... Ничего не увижу!

Копыто задней лошади разбивает очки. Потом беглецы уносят с собой Гедеона.

На берегу реки полковник Курро все еще продолжает драться. Соппротивление уже бесцельно, но и невозможна переправа через реку. Один сходит с коня и бросается в реку. Водоворот поглащает его.

Лавиной несутся к реке коммунары. Макич заметил полковника. Прицеливается.

На вершине скалы стоит Ата-апер, приставив ладонь ко лбу.

Полковник Курро обнажает саблю, чтоб броситься на нападающих коммунаров, но пуля Макича отбрасывает его.

Курро падает в реку.

Ата-апер садится на скалу, стирает пот и вздыхает.

Слышны глухие раскаты взрывов.

Ата-апер встает. По лицу его видно, что подходит к нему другой человек, любимец Ата-апера.

Старик, широко раскрыв руки обнимает Макича.

- Ну как, отец?

- Вот теперь вспашу!

"Оровел" и песня зангазурских партизан.

ԿՈՆԵՇ

Հրատարակության պատրաստեց՝

ՎԼԱԴԻՄԻՐ ԴԱՉԱԽԵՑՅԱՆԸ

Ակսել Բակունցի «Զանգեզուրի» (ռուս.) հիմքը
Հայաստանի ազգային արխիվ, ֆոնդ 113, ցուցակ 4,
գործ 10051, թերթ 6-50: Մեքենագիր օրինակ: